

Трибуна молодых

Продолжаем разговор о проблемах творческого становления молодых режиссеров, начатый драматургом

А. Казанцевым («В имя зрителя», 6 декабря),

Б. Любимовым («Когда в товарищах согласье есть», 13 декабря)

Часто встречаю бывших своих сокурсников. «Как дела?» — спрашиваю. В ответ только горестно махнут рукой. Как-то не слишком гладко складывается их профессиональная жизнь.

Кто же он, ныне вчерашний выпускник режиссерского факультета, в течение пяти лет осваивавший профессию под руководством опытных и прославленных мастеров театра?

Поставил спектакль «Любовь и голуби» в театре «Современник» мой соученик Владимир Тарасьянц. Сейчас работает в Тюзе, выпустил... два спектакля. И это за четыре сезона после окончания института! Всего по одной самостоятельной постановке числится за Юрием Иоффе в Театре имени Вл. Маяковского («Ночь ангела») и Сергеем Арцыбашевым в Театре на Таганке («Надежды маленький оркестрик»). Нет своих спектаклей у Василия Федоровича в Малом театре, ничего не поставил Борис Хвостов. А ведь они хотят и умеют работать!

По положению нынешних молодых режиссеров можно разделить на три категории: «очередные», постоянно работающие в коллективе; так называемые «разовики», взятые театром на одну постановку; и, наконец, люди с режиссерским дипломом, не работающие по прямой специальности. Среди последних, кстати сказать, есть талантливые, интересные, своеобразные ребята, творческая судьба которых пока не складывается.

К категории «разовиков» отношусь и я сам. Свой дипломный спектакль — «Путь» А. Ремеза поставил на Малой сцене МХАТа, потом были спектакли в Театре имени Вл. Маяковского, в Театре на Малой Бронной, в Барнаульском тюзте. В учебном театре ГИТИСа, сейчас работаю

НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ

над спектаклем в Московском театре имени Н. В. Гоголя. Послужной список не так велик, но что ни спектакль, то новый театр. И все же не очень-то завидую молодым «очередным» режиссерам: хотя они вроде бы меньше, чем я, зависят от воли случая, зато им нередко приходится служить ассистентами у своих главных режиссеров, годами при этом не имея самостоятельной работы.

О режиссерах судят по их постановкам, однако спектакль начинающего далеко не всегда является действительно выражением его творческих способностей, эстетических и гражданских устремлений. И часто это происходит не от отсутствия у молодого режиссера навыка и опыта работы, а от его положения в том или ином театре. Над судьбой молодого режиссера по-прежнему господствует случай, как говорится, «необъяснимая игра природы». И министерства, и институты, и руководители театров вроде бы отвечают за положение молодой режиссуры, но создается впечатление, что усилия в этом плане разрозненны и не достигают цели.

Все поставленные мной спектакли — результат счастливого стечения обстоятельств, от меня самого мало зависящих. Я учился у Марии Осиповны Кнебель, на последнем курсе поставил в институте «Три сестры». На просмотр пришел бывший ученик Марии Осиповны — режиссер Анатолий Васильев. Благодаря ему и под его художественным руководством я смог осуществить во МХАТе свой дипломный спектакль.

История следующей моей постановки такова. Еще учась в ГИТИСе, я сделал со студентами актерского факультета Владимиром Сальниковым и Валентиной Якуниной несколько сцен-диалогов по «Запискам из подполья» Ф. М. Достоевского. Закончив институт, Сальников и Якунина показывались главному режиссеру Театра имени Вл. Маяковского А. Гончарову. Ему понравилась студенческая работа, и он предложил мне развернуть ее в спектакль. Так и родился в филиале Театра имени Вл. Маяковского спектакль «Записки мечтателя». А постановка «Наваждения» А. Галина в Театре на Малой

Бронной была сделана по инициативе актрисы Антонины Дмитриевой, сыгравшей в нем главную роль. Мой однокурсник Михаил Бычков, возглавив в Барнауле Театр юного зрителя, пригласил меня на постановку пьесы «Команда». Без работы вроде не сижу. Но, заканчивая один спектакль, не знаю не ведаю, что будет дальше.

Между тем те из молодых, кто находится не у дел, могут подумать: «Счастличик!» С одной стороны, мне действительно везло. А с другой стороны... Кроме инсценировки по произведению Достоевского, ни одна из пьес, которые я поставил, не была выбрана мной. И это первая беда почти всех молодых режиссеров — они ставят не то, что хотят, а то, что им предлагают. Чтобы совпало первое со вторым, нужна редкостная удача, как, например, у меня сейчас в Театре имени Н. В. Гоголя с пьесой А. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

А что же обычно предлагают молодому? Как правило, нечто «проходное», нужное театру для того, чтобы заполнить какой-нибудь репертуарный пробел.

Жажда работы плюс некоторая самонадеянность — и вот молодой режиссер берется за недоброкачественную драматургию. Другим и родственникам в эти дни нельзя критиковать пьесу, которую он будет ставить, потому что режиссер должен заставить себя полюбить ее. Но вот «брак поневоле» состоялся. Спектакль выходит. Публика вежливо смотрит. Критика равнодушно поругивает, а то и похваливает — из уважения к теме пьесы, к актерам или к театру, на сцене которого родилось нежеланное дитя.

Однако возьмем другой, более благополучный пример. Пусть (бывает ведь и такое) дали молодому режиссеру ту, заветную пьесу, которую он мечтал поставить еще в студенческие годы. Что же происходит по пути пьесы на сцену? Вступают в свои права «господа артисты» — выражение хоть и архаичное, но верное. Действительно, артист — господин театра, режиссер без него — ничто.

Но маститые актеры вообще стараются не участвовать в постановках начинающих ре-

жиссеров. Зачем им, когда они и так заняты в лучших спектаклях на первых ролях? Сыграть у молодого — гресса будет скромной. Да и не гонятся за славой именитые мастера, они и без того знамениты. А если молодой режиссер к тому же и «разовик», то руководство театра старается отдать ему актеров, годами простаивающих, а такие, как известно, есть почти в каждом крупном театральном коллективе. Говоря откровенно, мне близка именно эта категория артистов. Часто нахожу среди них людей очень способных.

Но вот и эти проблемы позади. Тише, идут репетиции! Месяц, второй, третий, четвертый — пора выходить на сцену. Как бы не так. Сцена занята: вечером — спектакли, днем — репетирует главный. И вот молодой режиссер в который уже раз проходит с актерами эпизод за эпизодом в репетиционной комнате. Те устают, скучают. А когда сцена наконец-то освобождается, полноценно репетировать все равно невозможно — не готовы декорации, потому что постановочной части нет дела до нужд новичка.

Когда впервые приходишь в театр, всех любишь. Хочется быть хорошим. Разговариваешь ласково. Потом понимаешь: чтобы выпустить спектакль таким, как ты его задумал, нужно быть жестким. Конфликты и споры с артистами — это еще, как говорится, издержки творческого процесса. Но как бороться с организационной неразберихой, производственным хаосом в театре, где в сущности тебе, новичку, никто не подчиняется?

Но, допустим, и эти трудности позади. Тут-то наступает самый ответственный момент в работе — сдача спектакля главному режиссеру театра. Известно, что каждый режиссер понимает пьесу по-своему, такая уж профессия! Но главный режиссер — на то он и главный, чтобы иметь право вмешаться в художественную структуру готового сценического произведения. Редко кто из главных режиссеров, несмотря на свой солидный опыт и возраст, удерживается от того, что на театральном языке называется «влезть в чужой спектакль». Нет, имеются в виду не замечания, советы и рекомендации ху-

дожественного руководителя коллектива, которые нередко бывают дельными, точными, справедливыми. Я говорю о другом случае — даже пьесе толком не знает главный режиссер или чужд ему сценический язык спектакля, а звучит решительное: «Не то! Переделайте!» Возникает спор, в котором аргументами выступают авторитет, служебное положение, темп речи и децибелы интонации. Кто победит, кто проиграет в этом споре — догадаться нетрудно.

Хорошо еще, если переделки по замечаниям осуществляет в спектакле сам молодой режиссер. Тогда за ним остается хоть авторство постановки. А бывает, что главный самолично меняет две-три мизансцены, проводит несколько беглых прогонов и... приписывает спектакль себе. Бывает, бывает! Когда увидите на афише сверху крупными буквами: «Постановка такого-то (главного)», а внизу мелко: «Режиссер (неизвестный или малоизвестный)», то знайте — тут все может быть. Более того, постепенно возникает недобрая традиция: молодые режиссеры, «очередные», а порой и «разовики» берутся в театр на правах неких «мальчиков» при главном. Причем «мальчиками» порой работают до седьмины.

Есть в каждом театре должность ассистента режиссера. Эта должность точно определяет положение работника, его права и обязанности. Сложился в театре также институт стажировок. Но вот «режиссер при постановщике» — это изобретение дьявольское, игра слов, за которой часто скрывается истинное авторство. Кто же автор спектакля? Что это за постановка без режиссуры или режиссура без постановки? Театроведы, вот бы о чем вам поразмышлять!

Кстати, о театроведении. В солидных трудах творчество молодых режиссеров упоминается иной раз тогда, когда назвать человека молодым не повернется язык даже у взятого шутника. Как правило, постановки молодых получают отклик в основном у газетной критики. Приходит такой критик на собственный просмотр или на премьеру спектакля с видом судьи: кого хочу, того милую. И если неиспробовать театральные авторитеты этому крити-

ку никто не позволит, то о молодом режиссере можно писать в снисходительных тонах. А ведь это ошибка. Надо требовать с молодого без скидок на его возраст. Без высокой требовательности не получится настоящий художник.

Несколько лет назад начинающие режиссеры-кинематографисты получили в свое распоряжение экспериментальное кинообъединение «Дебют». После окончания института или Высших курсов молодой кинорежиссер имеет возможность показать, на что он способен. Ему дают поставить короткометражку. Доказал, что умеешь, — получишь полнометражный фильм.

Сейчас, когда партия обращает особое внимание на необходимость повышения роли молодежи в государственной, производственной жизни, не стоит ли подумать о том, чтобы для молодых деятелей сценического искусства открыть хотя бы в крупных театральном центре экспериментальные площадки, на которых начинающие режиссеры могли бы показать свои творческие возможности. В таком молодежном театре могли бы играть и актеры-дебютанты, и знаменитые артисты.

Возглавлять экспериментальную сцену мог бы художник, состоящий не только из режиссеров и актеров, но также из драматургов, театроведов. Тогда, прежде чем получить самостоятельную работу в каком-либо профессиональном театре с его сложившимися традициями и стилем, молодые режиссеры, актеры, драматурги и сценаристы могли бы публично проявить свое творческое лицо. Уверен, что такой экспериментальный молодежный театр вызвал бы интерес и у публики. Возможно, что предлагаемый мной театр дебютов не решит полностью проблемы молодых. Я готов отказаться от своей идеи об экспериментальной сценической площадке, пусть будут другие предложения. Но ясно одно — надо что-то делать.

Пусть не покажется, что в моих рассуждениях свозит пессимизм. Тревога — да. И оптимизм. Ведь несмотря на все трудности, о которых я говорю, молодые режиссеры ставят спектакли, и многие из этих постановок украшают репертуар нашей сегодняшней сцены. Но молодежь должна всегда знать, что ей доверяют, что ее творчество необходимо театру.

В. САРКИСОВ.